

На правах рукописи

ДЬЯКОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА

**ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИМЕНОВАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ
г. УСТЮЖНЫ ЖЕЛЕЗОПОЛЬСКОЙ в XVI-XVII вв.
(по материалам сотных 1567, 1597 и 1626 гг.)**

Специальность 10 02 01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Вологда
2007

Работа выполнена на кафедре русского языка
ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки
Российской Федерации
Юлия Ивановна Чайкина

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
Людмила Евгеньевна Кругликова

кандидат филологических наук
Виталий Елизарович Татаркин

Ведущая организация

ГОУ ВПО «Карельский
государственный педагогический
университет»

Защита состоится 8 ноября 2007 г. в 11 часов на заседании
диссертационного совета КМ 212 031.03 при ГОУ ВПО «Вологодский
государственный педагогический университет» по адресу.
160035, г. Вологда, пр. Победы, д.37, ауд.71.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО
«Вологодский государственный педагогический университет».

Автореферат разослан 04 октября 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Л. Ю. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к проблемам антропонимии, что связано со сменой системно-структурной парадигмы языкоznания, ориентированной на изучение «языка в самом себе и для себя», на антропоцентрическую, предполагающую изучать язык в тесной связи с человеком, с его сознанием, духовно-практической деятельностью [Голомидова 1998:3; Воркачев 2001:64]. Антропонимия представляет собой неисчерпаемый источник для изучения языка и культуры создавшего ее народа. Современным исследователям свойственно представлять процесс создания имени собственного как особую разновидность кодирования историко-культурной информации. При таком подходе антропонимия может рассматриваться как своеобразный культурный текст [Исаева 1988:167]. Для исторической ономастики особую значимость имеет положение о том, что имена собственные, имеющие конкретную пространственно-временную отнесенность, во-первых, содержат ценнейшие сведения о развитии языка как официально-делового, книжного, так и живого, разговорного, а во-вторых, являются источником этнокультурной и социокультурной информации.

Актуальным направлением современных исследований является историческая антропонимика, обратившаяся к изучению региональных антропонимических систем. Изучением антропонимии новгородских памятников деловой письменности занимались А.Н. Мирославская [1955], Р.Л. Сельвина [1976], муромских – В.И. Тагунова [1967], томских – В.В. Палагина [1968, 1974], пензенских – Т.А. Заказчикова [1977], пермских – Е.Н. Полякова [1979, 1991, 1995, 2001], нижегородских – Н.В. Данилина [1986], тверских – И.М. Ганжина [1992, 1995, 2004], уральских – Н.Н. Парфенова [1991, 2001], смоленских – И.А. Королева [1995, 1996, 2000], Н.В. Медведева [1998], орловских – В.Е. Татаркин [2005] и др.

Северорусская антропонимия представляет собой огромный массив в общерусской антропонимической системе. В настоящее время существует большое количество научных трудов по истории ономастики Русского Севера. Антропонимия Пинежья исследовалась Г.Я. Симиной [1970, 1971], Белозерья – Т.В. Бахваловой [1972, 1985], Ю.И. Чайкиной [2003, 2005], Карелии – И.А. Кюршуновой [1994, 2001, 2002, 2005 и др.], Архангельска – Т.В. Винниченко [2005, 2006], Вологды и Вологодского уезда – Е.Н. Баклановой [1970], Ю.И. Чайкиной [1984, 1995, 2004, 2005 и др.], И.Н. Поповой [2002], Н.В. Комлевой [2002, 2004], Устюга Великого, Тотьмы, Устюгского и Тотемского уездов – Ю.И. Чайкиной [1982, 2005], С.Н. Смольниковым [1996, 2005] и др. Сохранившиеся источники по Устюжно-Железопольскому уезду лишь частично привлекались в работах Ю.И. Чайкиной [2004], С.Н. Смольникова [2005].

Изучение антропонимии памятников письменности Русского Севера ведется в разных направлениях. Исследователи конца ХХ – ХХI века обращаются к новым аспектам изучения онимической системы И.Н. Попова

[2002] рассматривает памятники официально-деловой письменности, не только как лингвистический источник, но и как источник культурологической информации, дающей представление о ценностных параметрах локальной языковой картины мира. На синхроническом срезе (XVI–XVII вв.) антропонимию города-села изучает Н В Комлева [2002, 2004]. Современные исследователи занимаются изучением онимической системы древнерусского языка, например, работа Е Н Ивановой [2006], посвященная анализу топонимов и антропонимов, зафиксированных в памятниках монастырской письменности Белозерья конца XIV–XV вв. Проблема формирования антропонимической системы отдельного региона решается в работах Ю И. Чайкиной [2005]. Особым направлением следует признать функциональный подход, разрабатываемый С Н Смольниковым [2005], предполагающий комплексное изучение старорусской антропонимии Русского Севера XVI–XVII вв. в трех аспектах номинативном, коммуникативно-прагматическом и историко-стилистическом.

В данной работе предложен *синхронно-диахронный подход* к анализу антропонимического материала, важность и необходимость которого для исторического языкознания была впервые заявлена В А Богородицким в начале XX века. На основании этого метода лингвист должен учитывать как современное языковое состояние, так и изменение, которое претерпевает каждый факт языка в процессе развития [Богородицкий 1904]. В современных исследованиях синхронно-диахронный подход используется при анализе лексических и лексико-фразеологических парадигм языковых единиц, представляющих качественные наименования лиц [Кругликова 1995 и др.]

Синхронно-диахронное изучение антропонимии XVI–XVII вв. предполагает изучение антропонимической системы исследуемого региона на протяжении определенного отрезка времени как динамической развивающейся системы. Отметим, что большинство работ по исторической ономастике ориентировано на синхронное или статическое изучение материала, тогда как изучение динамики антропонимической системы является лишь второстепенной задачей подобных изысканий. Среди исследований, в которых наблюдения над изменениями, происходящими в антропонимии региона, являются приоритетной проблемой, можно назвать работы Т В Бахваловой [1972], Е Н Поляковой [2002]. В этих работах учет изменений ведется при сравнении языковых фактов в течение двух с половиной – трех столетий (XVI–XVII вв.). Памятники деловой письменности Устюжны Железопольской, доступные исследователю, позволяют изучать изменения, происходящие в рамках более узкого временного отрезка – одного столетия.

Таким образом, необходимость более глубокого изучения антропонимии одного из древнейших городов Русского Севера – Устюжны Железопольской, недостаточная изученность процессов, происходящих в системе именований в переходный период, являющий собой наиболее важный этап в становлении современной антропонимической системы, определяют актуальность предпринятого исследования.

Объектом изучения в данной работе являются антропонимы, отмеченные в памятниках деловой письменности второй половины XVI – первой трети XVII вв., одного из городов Русского Севера – Устюжны Железопольской, а предметом исследования служат процессы образования, становления, изменения антропонимии Устюжны Железопольской на общерусском фоне в переходный период

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XVI – первой трети XVII вв., представляющий собой конечный этап существования языка великорусской народности и начальный этап формирования общенационального языка. По мнению большинства исследователей, именно в этот период происходят процессы, обусловившие развитие русской антропонимии. Поэтому весьма важным является рассмотрение процессов, протекающих в системе именований на рубеже веков

Цель исследования – рассмотреть антропонимическую систему конкретного локального региона, города Устюжны Железопольской, с точки зрения синхронно-диахронного подхода

Указанная цель работы определила постановку следующих задач:

1 Рассмотреть состав, семантику, происхождение, структуру мужских некалендарных личных имен, представить анализ динамики именника по данным направлениям в рассматриваемый период

2 Изучить состав, фонетические и морфологические изменения в подсистеме календарных личных имен у представителей разных сословий (посадские люди, дворяне, крестьяне, священнослужители)

3 Описать именник женского населения Устюжны Железопольской, выявить особенности структуры, состава.

4 Произвести сопоставление календарного и некалендарного именников населения Устюжны Железопольской с данными по изучению других регионов

5 Исследовать антропонимы (личные имена, патронимы, андронимы, фамильные прозвания) с точки зрения мотивации производящих основ, происхождения, провести сопоставительный анализ апеллятивной лексики второй половины XVI – первой трети XVII вв.

6 Установить особенности развития и изменения структуры официального именования в деловой письменности Устюжны Железопольской, определить функции антропонимических компонентов.

7 Установить экстра- и интралингвистические факторы отмеченной динамики антропонимической системы города Устюжны Железопольской в изучаемый период.

Сложный, многогранный характер объекта исследования требует комплексного подхода к изучению антропонимии официально-деловой письменности XVI-XVII вв.

Методологическую основу исследования составляют принципы объективности, научности и историзма. Принцип объективности требует от исследователя умения «найти пути и средства проникновения в суть изучаемого, не внеся при этом ничего внешнего» [Образцов 2004:16], то есть

позволяет избежать субъективизма в выводах и оценках. Принцип историзма является особенно важным при интерпретации антропонимических процессов, с одной стороны, он требует рассмотрения изучаемых явлений в развитии, выявления тенденций этого развития, с другой стороны, предполагает характеристику изучаемого материала при учете важнейших социально-экономических процессов, происходивших в соответствующую историческую эпоху. Весьма важное условие соблюдения принципа историзма заключается в выборе соответствующих изучаемому явлению методов, подходов и методических приемов исследования. В качестве основных методов в работе используются описательный и сопоставительный. Применение в работе также получили приемы классификации, структурно-словообразовательного, лексикографического анализа, приемы реконструкции исходных апеллятивов. Значимым для настоящего исследования стало применение элементарной статистики и контент-анализа. Комплексное изучение языкового материала при соблюдении основных методологических принципов, использовании общенаучных и характерных для антропонимики методов исследования, позволило осуществить синхронно-диахронный подход к анализу антропонимии памятников письменности XVI-XVII вв.

Источниковую базу исследования составляют опубликованные и архивные материалы писцового делопроизводства г. Устюжны Железопольской XVI-XVII вв

1. Сотная из книг И.И. Плещеева и Григория Зубатого Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской 1567 года / Публ. Ю.С. Васильева, Н.П. Воскобойниковой (далее СУЖ1567) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период) – Вологда, 1981. – С.136-177

2. Сотная с писцовых книг Д.Г. Бельского на посад Устюжны Железопольской 1597г / Публ. Н.П. Воскобойниковой и П.А. Колесникова (далее СУЖ1597) // Крестьянство Севера России в XVI в – Вологда, 1984. – С 130-158.

3. Сотная на посад Устюжны Железопольской 1626г (далее СУЖ1626) // Архив СПб ИИ РАН Ф.11 Д 116. Объем 215 листов Формат 4

Документы XVI века можно отнести к числу уникальных памятников письменности. Как известно, источников этого времени сохранилось немного. Последнее описание посада Устюжны Железопольской 1624-1626 гг остается неопубликованным, хранится в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН и для антропонимического исследования используется впервые.

К исследованию также привлекается «Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской 1628-1630 гг.» / Публ. И.В. Пугача // Устюжна: историко-литературный альманах. – Вып 1-4 – Вологда, 1993-1999.

В общей сложности из данных памятников письменности выявлено и проанализировано около 4500 личных именований различной структуры.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые подвергается целостному изучению антропонимия одного из городов Русского Севера –

Устюжны Железопольской. В работе совмещаются синхронный и диахронный подходы к анализу языкового материала, позволяющие представить антропонимию отдельного региона как особого рода динамически развивающуюся систему на протяжении одного столетия. Этимологизация составляющих компонентов позволила в некоторой мере восстановить картину развития края, его социальной, экономической, духовной, этнокультурной жизни.

Положения, выносимые на защиту:

1) изучение изменений в системе личных имен, зафиксированных в памятниках официально-деловой письменности второй половины XVI – первой трети XVII вв., позволяет говорить о постепенном формировании фонда допустимых в официальном именовании некалендарных имен, состав которых в изучаемый период на различных территориях Российского государства имеет много общего;

2) динамика системы старорусских личных имен, отражает процесс взаимодействия подсистем календарных и некалендарных имен, проявившийся в употреблении единых способов модификации, адаптации заимствованных имен к системе русского языка;

3) вторая половина XVI-первая треть XVII вв. является важным этапом на пути формирования оптимальной модели официального именования лица в памятниках официально-деловой письменности. Возросшая необходимость в более точной идентификации лица, вызванная расширением экономических, политических, социальных связей и отношений между людьми, в Устюжне Железопольской проявилась в XVI веке в активном использовании названий профессий в структуре именования, но уже к концу первой трети XVII века, именование по профессии не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к антропонимическим элементам. Третьим компонентом антропонимической конструкции все чаще становится фамильное прозвание;

4) региональная антропонимия является источником познания меняющейся системы ценностей средневекового человека. Изменения, выявленные при анализе апеллятивной лексики, свидетельствуют о том, что на протяжении XVI – в начале XVII вв., формируется иное отношение к личному имени человека некалендарные имена, имеющие яркую внутреннюю форму, осознаются непригодными для именования. Сопоставление именных основ патронимов и фамильных прозваний по двум временным срезам позволяет говорить о динамике ценностных параметров региональной языковой картины мира.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при изучении истории развития общерусской антропонимической системы, а также для сопоставления с антропонимией других исторических периодов и регионов. Наблюдения, представленные в работе, могут быть учтены при изучении особенностей развития и формирования говоров Устюженского края. Материалы научной работы могут найти применение при разработке вузовских

спецкурсов и спецсеминаров по ономастике, в практике лексикографической работы при составлении исторических антропонимических словарей

Апробация результатов работы проводилась на XXXV Международной филологической конференции (13-18 марта 2006 г., Санкт-Петербург, СПбГУ), на научно-практической конференции «Проблемы текста», посвященной 100-летию со дня рождения академика Д С Лихачева (ноябрь 2006 г., Вологда, ВГППУ), на международной научно-методической конференции «Языковые и культурные контакты различных народов» (июнь 2007 г., Пенза, ПГПУ им. В Г Белинского). Основные положения диссертации были обсуждены на заседании кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета. Содержание диссертации отражено в шести публикациях.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав и заключения. Приложением к работе являются список использованной литературы, источников, сокращений, таблицы частотности календарных личных имен и структурных моделей именований, карты.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, степень изученности материала, хронологические рамки исследования, содержится характеристика источников, освещается вопрос истории формирования Устюжно-Железопольского уезда, обозначаются цель и задачи работы, выделяются предмет, объект и методы исследования, определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Изменения в системе личных имен в сотных города Устюжны Железопольской в XVI – первой трети XVII вв.» предметом рассмотрения стали личные имена, выступающие на месте первого компонента в структуре официального именования, с точки зрения количественного состава, семантики, происхождения, структуры. Основной задачей данной главы стали описание и характеристика изменений, происходящих в именнике на протяжении исследуемого периода.

Некалендарные имена представляют собой неоднородную подсистему личных имен. Этой проблеме уделяли внимание в своих работах А.М Селищев, Р.Д Сельвина, Т.А Заказчикова, А.Н Мирославская, Т.В Бахвалова, Ю.И Чайкина, С.Н Смольников, Н.В Комлева и др. Ориентируясь на выводы ученых, мы поддерживаем мнение о существовании двух разновидностей имен в составе некалендарных внутрисемейные и прозвищные имена [Унбегаун 1989 118, 162].

В памятниках XVI века нами были выявлены внутрисемейные имена, отражающие 1) порядок рождения ребенка (*Первушка, Третячко, Пятычка, Девятачко*), 2) положение ребенка по отношению к другим членам семьи (*Малышка, Маленко, Позднячко, Семейка, Менишик*), 3) обстоятельства, сопутствующие рождению ребенка (*Веснячко, Постепка, Постник, Суморочки, Субодка*), 4) чувства родителей, вызванные рождением ребенка (*Любаско*,

Жданко, Нечако, Истомка, Томилко), 5) особенности внешнего вида ребенка (*Белянко, Русанко, Рышико, Чернуха, Глазко, Ушачко, Лобанко, Негубко*) 6) особенности поведения новорожденного (*Докучка, Смиркоец, Сонка, Безсонко*) Особой разновидностью внутрисемейных имен следует считать апотропейские имена (*Грешной, Плохой, Злобка, Зловидко, Могилка, Смородяйко*) В источнике XVII века все выявленные нами подгруппы внутрисемейных имен сохраняются, однако количество лексем заметно сокращается (см таблицу 1)

Таблица 1

Репертуар внутрисемейных личных имен

	Порядок рождения ребенка	Положение ребенка в семье	Обстоятельства рождения ребенка	Чувства родителей	Имена-обереги	Поведение ребенка	Внешний вид ребенка
Втор пол XVI в	5	5	8	11	9	5	10
Перв треть XVII в	4	1	3	6	1	2	1

В первую очередь из числа внутрисемейных имен, допустимых в официальном именовании, выходят те, которые характеризовали качества новорожденного, заметно сокращаются группа апотропейских имен и имен, определяющих положение ребенка по отношению к членам семьи

Предпочтение отдается некалендарным именам, не несущим отпечатка негативности: это имена, которые не характеризуют непосредственных признаков именеменного, а называют время, порядок, рождения, отношение родителей к новорожденному.

Рассмотрение внутрисемейных имен с точки зрения их активности в памятниках XVI и XVII вв также показало популярность тех имен, которые отражают чувства родителей по отношению к ребенку и порядок его рождения. В сотной XVII века наиболее популярными являются имена *Первушка, Богдашка, Истомка, Томилко*. Сопоставление с данными по Белозерскому, Вологодскому, Великоустюгскому уездам позволило отметить сохранность одних и тех же групп имен в памятниках официально-деловой письменности данного периода

Прозвищные личные имена реже внутрисемейных выполняли функцию официального личного имени. Рассмотрение состава данных имен позволило обратиться к лексико-семантическому анализу апеллятивов. Выделены следующие лексико-семантические группы (ЛСГ) антронимов по значению производящих основ

Первая ЛСГ включает антронимы, появление которых было обусловлено личными, индивидуальными качествами или свойствами именеменного. Апеллятивы, лежащие в основах антронимов данной ЛСГ, экспрессивны, обладают яркой внутренней формой

Вторая ЛСГ объединяет антронимы, характеризующие человека по его принадлежности к той или иной группе лиц, коллективу. Это может быть семья, этническая, социальная, профессиональная или территориальная

группа В данном случае апеллятивы выступают в своих прямых, стилистически нейтральных значениях

Состав первой лексико-семантической группы неоднороден и позволяет выявить подгруппы имен, указывающих на 1) особенности внешности человека. 'рост', 'телосложение', 'физические недостатки', 'внешний вид, опрятность' (*Коротайко, Ширяйко, Грибанко, Хохрячко, Жучко, Волоско, Шешурка, Грязной, Обрядка*), 2) внутренние свойства человека. 'поведение', 'манера общаться', 'черты характера', 'пристрастия', 'интеллектуальные способности' (*Колоско, Кисляк, Валица, Торопко, Верещажска, Звяга, Рыкун, Зык, Таруска, Ляпун, Крячко, Гневашка, Суровец, Гроза, Махалко, Лихачка, Ярыга, Гулянко, Шалажка и др.*). К группам антропонимов с качественной характеристикой лица примыкают именования, представляющие собой метафорическое или метонимическое переосмысление названий животного и растительного мира, сферы материальной и духовной культуры общества (*Кожушко, Шубка, Шалганко, Насадка, Лисица, Медведко, Дрозд, Комар и др.*)

Состав второй лексико-семантической группы включает следующие разновидности: 1) имена, восходящие к названиям занятий, продуктов труда (*Буладко, Овсянка, Ворошня, Кушничко*), 2) имена, представляющие собой названия лиц по месту прежнего жительства (*Дубровка, Кушеверко, Приезжей*); 3) имена, восходящие к названиям лиц по социальному и имущественному положению (*Бобылка, Кропивка, Горяшика, Горемыка*), 4) имена, отражающие этническую принадлежность человека (*Чудинко, Русинко, Китайко*)

Прозвищные имена представляют сложную и разнообразную в лексико-семантическом отношении группу. Данная разновидность некалендарных имен позволяла более четко определить свойства и качества именуемого, важные при процессе идентификации. Однако имена этой подгруппы нередко восходят к апеллятивам, имеющим в своем значении негативные коннотативные семы, а значит, являются не только знаками, позволяющими назвать человека, а несут в себе дополнительную информацию, способную охарактеризовать индивида с той или иной стороны. Перечисленные свойства, на наш взгляд, являются основной причиной более активного исчезновения прозвищных имен из системы официального именования. В таблице представим изменения репертуара данной разновидности некалендарных имен (см. таблицу 2)

Таблица 2

Репертуар прозвищных личных имен

	Особенности внешности	Поведение, характер, свойства, пристрастия	Речевое поведение	Интеллектуальные способности	Названия из сферы природы и быта	Названия профессии, продукта труда	Место жительства	Социальное положение	Этническая принадлежность
Втор пол. XVI в	9	14	7	1	9	5	3	4	3
Перв. треть XVII в	-	4	1	-	-	-	-	-	2

Немногочисленные примеры имен, продолжающих свое существование в сфере официального именования, отражают черты характера именуемого, особенности речи, этническую принадлежность.

В работе сопоставляется состав некалендарных имен, способных выступать на месте первого компонента в структуре официального именования, выявленный исследователями различных регионов нашей страны (В.В. Палагиной, Т.А. Заказчиковой, Ю.И. Чайкиной, И.М. Ганжиной Н.В., Комлевой, Т.В. Винниченко, В.Е. Татаркиным). Проведенный анализ позволяет утверждать, что к концу XVI века формируется фонд допустимых в официальном употреблении некалендарных имен, который сохраняет свою активность и на протяжении XVII столетия.

Нами установлено, что из числа допустимых в официальном употреблении, прежде всего, выходят имена с пейоративной окраской, содержащие негативную информацию об их носителе. Данный языковой факт свидетельствует, что в период формирования национального языка, происходит становление нового типа самосознания русского человека, не допускающего в личном имени отрицательного эмоционально-оценочного компонента.

Апеллятивы, лежащие в основах некалендарных личных имен, представляют собой богатый материал для изучения состава населения региона Именования, зафиксированные в памятниках официально-деловой письменности, свидетельствуют о древних культурных контактах Устюжны с Новгородской землей, с одной стороны, и территориями Белозерского, Ярославского, Угличского княжеств, с другой.

Обращение к проблеме происхождения личных имен позволило нам выявить три группы. 1) имена с общерусскими основами, 2) имена с диалектными основами, 3) имена, заимствованные из других языков. В течение изучаемого периода соотношение имен данных подгрупп в памятниках письменности изменяется, к концу первой трети XVII века имена с диалектными основами практически полностью выходят из употребления. Если в сотных XVI века количество имен диалектного происхождения достигает 30%, то в сотной XVII века составляет менее 1%, что вновь убеждает в общности антропонимических процессов, происходивших на всей территории государства, стремлении стандартизировать систему именования.

Особого внимания заслуживает характеристика способов образования когнитивных вариантов некалендарных личных имен

Важнейшим способом образования некалендарных личных имен является онимизация, то есть переход имен из разряда нарицательных в разряд собственных. Путем осуществления данного перехода были образованы большинство некалендарных имен в сотных Устюжны Железопольской

Однако таких случаев, когда некалендарное имя представляло собой начальную форму мотивирующего апеллятива, в памятниках деловой письменности исследуемого региона незначительно.

Отапеллятивное образование онима в таком случае могло произойти в результате:

1) онимизации имен существительных (*Комар, Шуба, Брага, Гроза, Дрозд, Товарыщ, Лисица, Горемыка*), 2) субстантивной онимизации прилагательных (*Приезжей, Грешной, Плохой, Грязной*), 3) субстантивной онимизации числительных (*Пятой, Первой*).

Все приведенные примеры выявлены из памятников XVI века, в сотной XVII века подобных имен не обнаружено

Большинство же некалендарных имен в сотных XVI-XVII вв представляет собой производные антропонимические единицы. В их образовании активную роль играли различные антропоформанты

Изучение словообразования и формообразования некалендарных личных имен позволило установить наиболее типичный формант *-к(о)/-к(а)* и менее свойственные именам формообразовательные суффиксы *-ок-, -ик-, -ак-, -ец-, -ун-, -н(я)-, -ух-, -иц-, -г(а)-*, характерные только для памятников XVI века. Суффикс *-к(о)/-к(а)-* к концу первой трети XVII века стал необходимым элементом в официальном личном имени посадского человека, что соответствовало общим требованиям делового языка, применяемым к текстам данной направленности.

Остальные модели образования вариантов некалендарных личных имен являются непродуктивными, к ним относятся имена-композита, образованные путем сложения двух основ с последующей аффиксацией (*Зловидко*), имена, восходящие к глагольным формам (*Поспелка, Веялка, Томилко, Махалко*); приставочно-корневые имена (*Безсонка, Безтужко, Некраско, Негубко, Ненашко*), имена, образованные на базе топонимов. *Кушееверко, ср Кушееверская волость, Дубровка, ср Дуброва* (название населенного пункта в Устюженском уезде)

В текстах сотных Устюжны Железопольской значительную часть именника составляют имена церковного календаря, которые рассматривались в работе с точки зрения состава, репертуара, частотности, словообразовательной структуры с учетом социальной дифференциации именуемых. Исследованы следующие социальные группы: 1) тяглое и оброчное посадское население, а также посадская беднота, 2) священнослужители, 3) крестьяне, 4) дворяне. Самая многочисленная группа – это именования посадских людей, во всех источниках составляет около (85-90%), именования остальных групп населения представлены немногочисленными примерами, причем именования дворян содержатся исключительно в памятнике XVII века

Проведенный статистический анализ числа и репертуара календарных имен в сотных Устюжны Железопольской позволяет утверждать, что в исследуемый период социальная дифференциация именников лиц разных сословий была незначительной и более ярко была выражена только у представителей высшего духовенства. Важно отметить, что в этот период происходит сближение именников лиц податного сословия и духовенства. В источнике 1567 года около 30 имен священников не встречаются в именнике посадских людей и крестьян (*Клементин, Корнил, Мартриен, Ферапонт*,

Тарасеи, Валфромеи и др.), тогда как в последующих сотнях подобные имена единичны (*Елинарх, Арист*).

Сопоставительный анализ именников населения различных городов Российской государства (Устюжна, Вологда, Воронеж, Тверь, Орел) показал, что состав популярных имен имеет много общего. В Устюжне это имена *Иванко, Васька /Васюк, Федко, Гришка, Митка, Сенка, Ондрюшка, Михалко, Степанко, Якунка*. Своеобразие проявляется в предпочтении того или иного модификата имени.

Известно, что все календарные имена были заимствованными, чужими в системе восточнославянских языков. В процессе приспособления к общему строю русского языка христианские имена изменили свой фонетико-морфологический облик. Прежде чем христианские имена утвердились в русском языке, они прошли стадию двойной ассимиляции вначале в греческом языке византийской эпохи, затем в старославянском языке. На русскую языковую почву иноязычные христианские имена проникли в церковнославянской форме, и поэтому освоение заимствованных личных имен в русском языке шло через стадию усвоения канонической церковнославянской формы [Сельвина 1976 11].

Каноническая форма имени являлась нормой для официального именования лиц высшего сословия (дворян, духовенства). Для податного населения в XVI-XVII вв. было характерно использование неканонической формы имени, образовавшейся в результате влияния фонетических, морфологических особенностей разговорной речи.

Нами были изучены изменения, произошедшие в календарном именнике устюжан. Вслед за А. В. Суперанской [2004] мы выделяем следующие механизмы изменения заимствованных имен в русском языке фонетические, морфологические, семантические.

1) Изменения, связанные с действием фонетических норм русского языка, а также фонетические изменения, обусловленные диалектной адаптацией иноязычных имен в говорах: наличие дублетных форм с начальными *о/а, е/о, и/о, е/я, я/о/е*: *Анишка – Онашка, Ярофейка – Орофейка – Ерофейка и др.*, оканье *Офонка* < *Афанасий*; межслоговая ассимиляция и диссимиляция гласных *Пуминко – Пимянко* < *Пимен, Патракеико* < *Патрик*; ассимиляция согласных. *Галахтионко* < *Галактион*, замена несвойственного русскому языку звука [ф] на [х] *Стахейка* < *Евстафий*, метатеза, эпентеза согласных: *Валфромеи* < *Варфоломей*, *Обросимко* < *Амбросий*.

2) Изменения, связанные с морфологической адаптацией имен: изменение конечных *-ий* на *-ей* *Тарасеи* < *Тарасий*; *Григореи* < *Григорий*, добавление *-ей* к имени, *Кондратей* < *Кондрат*.

3) Изменения, связанные с семантической адаптацией заимствованных имен. Лексическая (семантическая) адаптация заключалась в поисках звучных основ среди русских слов *Палка* < *Павел, Калинка* < *Каллиник, Самко* < *Самуил, Макушка* < *Амокий, Коняшка* < *Конон, Орех* < *Ерофей*.

Семантическая адаптация имен свидетельствует о сложном процессе взаимодействия календарных и некалендарных антропонимов в системе старорусского языка

На единство лексической системы, которую представляли собой старорусские личные имена (календарные и некалендарные), указывает общность способов модификации. Анализ производных форм мужских личных календарных имен, отмеченных в сотных XVI–XVII вв показал, что все они образованы двумя способами – суффиксальным либо бессуффиксальным.

Наиболее продуктивным является образование деминутивных форм с использованием разнообразных суффиксальных элементов, присоединяемых к сокращенным основам различных разговорных, народных, диалектных форм календарных имен, широко представлены и суффиксальные образования на базе полных именных основ

Таким образом, анализ модификаторов календарных личных имен показал, что в образовании производной формы имени преобладал суффиксальный способ (по нашим подсчетам на него приходится более 90% всех именных форм) Наиболее востребованным аффиксальным элементом является суффикс *-к(о)-/к(а)-*, он используется в 90% случаев именований податного населения, нередко употребляется как второй суффикс *Петрушка < Петруша < Петр, Карпушка < Карпуша < Карп, Мосяжка < Мосяга < Мосий* и др.). Суффиксы *-н(я)-, -д(я)-, -х-, -юк-, -ан-* представлены только в именах, зафиксированных в сотных XVI века

Бессуффиксальный способ образования модификаторов личных имен занимает незначительное место в общей системе производных форм устюженского антропонимикона: модификаторы, созданные путем усечения полного христианского имени: *Малах < Малахия, модификаторы, созданные путем усечения христианского имени с добавлением флексии -а/-я Кост-я < Кост(антин), Олфер-я < Елевферий, Лен-я < Леонтий*

Особенностью именника жителей Устюжны Железопольской является наличие локальных, региональных модификаторов имен, например *Лашко (СУЖ1567, 157) < Лукьян или (Га)лахтион, Макушка (СУЖ1567, 158) < Мокий или Макковей, Тюфай (СУЖ1597, 150), Тюфанец (СУЖ1626, л 130) < Тихон и др*

Женские личные имена в сотных Устюжны Железопольской представлены немногочисленными примерами, главным образом это имена жительниц посада, а также незначительное число именований служительниц церкви (проскурниц и старниц), дворянских и крестьянских вдов. Состав популярных имен на протяжении изучаемого периода меняется незначительно, к наиболее устойчивым и популярным относятся имена *Анна, Мария*. У имени *Анна* отмечается наибольшее число модификаторов, ср.: *Анна/Анница/Анюшка/Анка/Аннаца/Анютка* Имена *Анна* и *Мария* являются наиболее частотными и в других городах: Вологде (1678 г), Великом Устюге (1678-83гг.) [Чайкина 2002:29], что обусловлено частотностью упоминания

данных имен в православном календаре. Среди некалендарных имен отмечены *Досадка, Милавка*

В целом, женский календарный именник обладает рядом черт, сходных с именником мужского населения Устюжны Железопольской: преобладание календарных имен над некалендарными, общие процессы адаптации христианских имен, употребление производных форм имени в именованиях посадских женщин, крестьянок, незначительное число вариантов личных имен.

Во второй главе «Изменения в составе и структуре именований в сотных города Устюжны Железопольской в XVI – первой трети XVII вв.» в центре внимания находятся вопросы преобразования моделей именования с точки зрения как структуры, так и семантики входящих компонентов

При характеристике структурных моделей именования мы учитываем количественный состав компонентов, функциональную нагрузку каждого из членов именования, статус каждого из компонентов с точки зрения его принадлежности к антропонимической или апеллятивной лексике.

Особенностью сотных Устюжны Железопольской является активное использование названий по профессии в официальной модели именования лица

В работе решается вопрос о статусе компонентов, называющих профессию, занятие человека. В исследуемых источниках данные компоненты именования находятся в постпозиции по отношению к личному имени и патрониму, но у них отсутствует притяжательный суффикс, например *место пустое Тимошки Кожевника* (СУЖ1597,142), *да Митрошки колчаника* (СУЖ1626,л 83об.), *да Мишки котельника* (СУЖ1626,л.103об), *да Несторка колпачника* (СУЖ1626,л 84) и др.

В памятниках Устюжны Железопольской как XVI, так и XVII в название профессии было тесным образом связано с именем человека и было необходимо, прежде всего, для идентификации личности именуемого из числа других людей с целью налогообложения. Однако не следует исключать и того факта, что в большинстве случаев в данных источниках эти компоненты именования называют действительное в данный момент занятие лица. В работе поддерживается мнение Ю.И. Чайкиной, отмечавшей, что названия профессии, расположенные в постпозиции по отношению к личному имени, выполняли две функции: характеризовали именуемого, указывая на профессию, и выделяли его, приближаясь к антропонимам прозвищам [Чайкина 1984:139].

В сотной 1567 года наиболее популярной является антропонимическая модель, состоящая из личного имени и патронима (61,5% именований) *Лазарко Терентьев да Оксенко Павлов* (с 155) На втором месте по активности (30%) выступают структуры, состоящие из личного имени, патронима, а в качестве дополнительного элемента выступает название профессии: *Гришка Онофреев торговой, Иванко Костин сапожник* (с 152) Менее 9 % составляют именования других возможных конструкций *Михалко приходец* (с 138), *Мансурко* (с 138), *Истомка Углечанин* (с 150), *десятыкoi Олешка Иванов сын Блинцов* (с 151) и др

В сотной 1597 года именования, состоящие из личного имени, патронима и названия профессии и/или указания на имущественный статус именуемого, становятся самыми распространенными (87,6%) *Крячко Митрофанов молотчей сапожник, Васка Ондронов кузнец середней* (с 137). Именования, представляющие собой сочетание личного имени и патронима, составляют 7,5%. Остальные 5% именований – это структурные модели, включающие три антропонима (личное имя, патроним, фамильное прозвание), а иногда и указание на профессию, социальный статус: *Гришка Яковлев сын Толстой* (с 136), *Гришка Игнатев сын Бовыкин плотник* (с 142), *Милютка Микифоров Свечников молотчей* (с 139).

Незначительное количество трехкомпонентных антропонимических структур в памятниках XVI века объясняется прежде всего отсутствием выработанной практики именования лица с помощью имени, отчества (полуотчества) и фамильного прозвания (фамилии). Включение в именования названий профессий, должностей, сведений о социальном и имущественном положении лица свидетельствует о существовавшей необходимости и потребности в дополнительных средствах идентификации человека, помимо имени и полуотчества.

К XVII веку трехкомпонентные структуры, включающие имя, патроним и фамильное прозвание, получают большее распространение (31,6%), что, вероятно, объясняет и сокращение названий профессий в составе именований Устюжан. В сотной первой трети XVII века только в 25% случаев называется профессия именуемого.

Именования представителей других сословий представлены наиболее распространенными и характерными для каждой социальной группы моделями. Для крестьян это двухкомпонентная модель, реже однокомпонентная «*Дер Игуменцово, а в ней крестьян в Степанко Блинов, в сын его Данилко, в Якимко Нефедов*» (СУЖ1567,139). Именования священнослужителей в большинстве своем являются однокомпонентными, встречают и примеры двухкомпонентных именований, ср. «*А начальник ныне в том монастыре игумен Ферапонт*» (СУЖ1567,137), *дьякона Ивана Омельянова* (СУЖ1626,л 18). Для представителей знатного сословия в сотных Устюжны Железопольской нормой является употребление двухкомпонентных конструкций. Однако второй компонент представлен не полуотчеством, а фамильным прозванием, ср. *м дворовое Ивана Трусова* (СУЖ1626,л 29) и *Иван Григорьев сын Трусов* (ПКУЖу1628-3,310), *м дворовое Пармена Негановского* (СУЖ1626, л 29) и *Иван Парменов сын Негановский* (ПКУЖу1628-3,316).

У посадских людей второй компонент как в трехкомпонентном, так и большинстве двухкомпонентных именований представляет собой полуотчество, образованное от имени отца путем прибавления притяжательного суффикса *-ин-*, *-ов-*(*-ев-*) Третий компонент в именованиях посадских жителей приобретает статус фамильного прозвания, на что указывают следующие признаки: 1) наличие именований одного лица двух- и трехкомпонентными конструкциями, например *Малах Баев торговой*

(СУЖ1567, 151) и лав Малашки Маркова Баева (СУЖ1567, 162), место пустое дворовое Нечаика Ведрова (СУЖ1597, 140) и Фомка Нечаев сын Ведров торговой человек молотчей (СУЖ1597, 140); 2) соименования членов одной семьи, пожня Первушки Головина, что была дяди его Мити Головина (СУЖ1567, 154), вдова Настасьица Игнатова жена Бовыкина (СУЖ1567, 161) и бобыл Гришка Игнатев сын Бовыкин плотник (СУЖ1597, 142)

На фамильный статус третьего компонента указывает также тот факт, что оформлялся он, как правило, суффиксами *-ов-/-ев-, -ин-/ын-*

Таким образом, можно утверждать, что в XVI веке в среде посадских людей идет активный поиск оптимальной модели именования. В этот период уже существовали фамильные прозвания, однако их использование в качестве средства антропонимической номинации более активно проявляется только с начала XVII века

Значительные преобразования происходят в структуре женских именований. Наиболее активной является модель именования, относящаяся к вдовам, состоящая из трех антропонимических компонентов личного имени женщины, притяжательного прилагательного, образованного от личного имени мужа (календарного или некалендарного) с помощью суффиксов *-овск-(-евск-), -инск-, -ов-(-ев-), -ин-(-ын-)* и фамильного прозвания или прозвища, *ср* *д* вдовы Фроски Михайловские жены Безнина да сына ее Гаврилка кузнец (СУЖ1626, л 74об), *д* вдовы Маньки Рудаковские жены Мясникова да детей *ево* Митки да Софронка (СУЖ1626, л 68) и *др*

Двучленные модели именования также используются для названия женщин, но постепенно по степени активности уступают трехкомпонентным

Немногочисленны примеры одночленных именований, *ср* *д* посадской вдовы Агафьица да сына ее Кирилка (СУЖ1626, л 86), *д* вдовы Оносицы (СУЖ1626, 73об). Опосредованные именования женщины только через имя мужа также редки, *ср* *попадя* Григореева жена Попова да сын ее Васюк 15 лет (СУЖ1567, 141), *м* дано Михаю Белово под анбар подле Фоминская лавки у двора Лашковы жены (СУЖ1567, 164)

Единичны примеры четырехчленных моделей именования, *ср* *д* Марицы Сидоровской дочери Константиновы жены Гуляева (СУЖ1597, 145), *д* вдовы Татьянки Федоровские жены Зеленикова Веселова (СУЖ1626, л 38)

Отметим случаи, где содержатся указания не на личное имя мужа, а на личное имя отца, *ср* *д* старицы Прасковы Ондреевские дочери да детей ее Пронки Свечникова да Куземки (СУЖ1626, лб2об), *м* проскурницы Татьяны Федоровы дочери (СУЖ1626, л 10об). В формулу именования женщины могли включаться и другие компоненты, например, указание на профессию, должность мужа, *ср* *д* вдовы Федорки земского дьячка Васильевские жены Петрова (СУЖ1626, 80об)

Форма второго компонента в именованиях женщины разных сотных имеет некоторые отличия. Суффикс *-овск-(-евск-, -инск-)* во втором компоненте именования встречаем главным образом в сотных 1597 и 1626 гг., тогда как в памятнике 1567 г употребляется только суффикс *-ов-(-ев-), -ин-(-ын-)*,

Таблица 3

Андронимы в женских именованиях

Источник	%	-овск-(-евск-), -инск-	%	-ов-(-ев-), -ин-(-ын-)
СУЖ1567	0%	Не используются	100%	вдова Матренка Негодяева (161), вдова Окулинка Тимохина жена Слудцкого (138) и др
СУЖ1597	52%	убогая вдова Оринка Фадеевская жена Офонасева (142), вдова убогая Аннаца Баженовская жена Широково (142) и др	48%	вдова Соломанидка Гаврилова жена Яковлева (136), убогая вдова Милавка Вьялини жена Быкова (143) и др
СУЖ1626	86,8%	д пустой вдовы Полагецы Игнатьевские жены да сына ее Фомки (л 92об), д вдовы Полагецы Воробьевские жены да сына ее Акинки (л 83об) и др	11,2%	бобылица вдова Овдотица Гришкина жена з детми с Минкою да с Фокою да с Ромашком (л 13об), д посацкой вдовы Дуньки Лисицыны жены (л 91) и др

Использование суффиксов *-инск*, *-овск* и проч. в документах конца XVI и начала XVII века вместо традиционных для сотной 1567 года *-ин-*, *-ов-*, говорит о качественно новом подходе к модели именования женщины. Еще в древнерусском языке суффиксы *-ов-* и *-ин-*, передавали значение принадлежности и значение свойственности. Присоединение аффикса *-ьск-* к основам прилагательных с другими атрибутивными суффиксами (*-ов-* и *-ин-*) способствовало историческому движению адъективного класса имен от выражения значения индивидуальной относительности к более общей родовой относительности и далее к предметно-абстрагированной и к выражению независимого безотносительного признака. Очевидно, что суффиксы *-ьск*, *-овск-/-евск-* и *-инск-* могли использоваться в целях более четкого семантического ограничения от соответствующих прилагательных на *-ов-*, *-ин-*, способных в разной степени выражать как индивидуальную принадлежность, так и родовую [Зверковская 1986.50-52]. Таким образом, переход к использованию суффиксов *-инск*, *-овск*- и др в именованиях женщин по мужу, вместо *-ин-*, *-ов-*, отражает переход от выражения индивидуальной принадлежности к относительности

Наблюдения над семантикой апеллятивов, представляющих основу для формирования патронимов, андронимов, фамильных прозваний, прозвищ, ориентированы как на изучение преобразований именника жителей региона, так и на извлечение этнокультурной, социокультурной информации.

Используя модель лексико-семантического анализа, ранее примененную нами при характеристике семантических изменений в личных именах, мы выделяем те же основные группы антропонимов и в основах патронимов, прозвищ. Это имена, характеризующие человека по его индивидуальным

качествам и свойствам и определяющие его как представителя той или иной группы, коллектива.

В данном случае необходимо учитывать, что речь идет о патронимах, представляющих собой имена отцов и дедов именуемых, поэтому время появления и бытования реконструированных имен должно быть отнесено к первой половине XVI – и началу XVII вв соответственно

Патронимическая лексика является важным материалом для изучения изменений происходящих в языке и речи жителей данного региона Апеллятивы имен и прозвищ свидетельствуют о меняющейся системе ценностей человека, жившего на рубеже веков.

В лексико-семантической группе 'Характеристика внутренних качеств и свойств личности' нами было выделено 5 подгрупп: 1) 'общая характеристика человека по его душевным качествам' (ЛСГ-1), 2) 'характеристика речевого поведения человека' (ЛСГ-2), 3) 'оценка интеллектуальных способностей человека' (ЛСГ-3); 4) 'характеристика психологических свойств личности и поведения человека' (ЛСГ-4); 5) 'характеристика человека по склонностям и пристрастиям' (ЛСГ-5) В рамках данных подгрупп мы выделяем синонимические ряды исходных апеллятивов Сопоставим данные при помощи таблицы.

Таблица 4
Семантические изменения в группе апеллятивов, характеризующих внутренние качества и свойства личности

ЛСГ и СР апеллятивов	Источники XVI века	Источник XVII века
ЛСГ-1 'общая положительная оценка личности'	*Кохан, *Голуба, *Засуха	—
'общая отрицательная оценка личности'	*Перерод, *Худяк	—
ЛСГ-2 'богат, пустослов, хвастун'	*Бахарь, *Бай, *Бака,	*Болтун, *Щока
'невнятно говорящий человек'	*Барма, *Говоруха, *Щекот	*Корых
'человек с громким голосом'	*Бурко, *Кор	*Зык, *Жижа
ЛСГ-3 'глупый человек'	*Рыкун	—
	*Деревянный, *Дурак	*Пест
ЛСГ-4 'подвижный, суетливый человек'	*Легкий, *Полетай	*Грякон, *Хват
'медлительный, вялый человек'	*Бовыка	*Ворона, *Ищея
'злой, жестокий человек'	*Лихошерст, *Сур, *Упирь	*Бухат
'скотый, жадный'	—	*Трясуха
'придиличивый'	—	*Варзан
'льстивый, лицемерный'	*Лебза	—
'любопытный, нескромный'	*Выгал	—
'озорник, шалун'	—	*Балмас, *Остоп
'лжец, жулик'	*Свистун, *Шерня	*Облупа
'ленивый, уклоняющийся от работы'	*Валяло, *Валуга, *Блашной	—
ЛСГ-5 'пьянство'	*Мокрый	*Дуда, *Дудол
'праздность'	—	*Гуль, *Гульба

Наблюдения над семантикой апеллятивов позволяют говорить о том, что на всем протяжении столетия большинство мотивов имиаречения сохраняется *пустословие, глупость, суетливость и вялость, лживость, пьянство* – эти качества оценивались средневековым человеком негативно

В антропонимах начала XVII века не фиксируются апеллятивы, содержащие *общую оценку человека*, не отражены в них такие психологические свойства личности, как *льстивость, любопытство*

Актуальными мотивами именования на рубеже веков становятся такие человеческие качества, как *жадность, придирчивость*, важные для характеристики человека как субъекта рыночных отношений

В лексико-семантической группе ‘Характеристика особенностей внешнего вида человека’ из патронимов сотных XVI и XVII вв нами были реконструированы апеллятивы, входящие в две основные подгруппы 1) ‘общая характеристика внешнего вида человека’ 2) ‘характеристика человека по характерной примете внешности’

Следует отметить активность имен и прозвищ данной группы на протяжении всего изучаемого периода. Наиболее важными приметами внешности человека являются особенности отдельных частей тела, однако практически не появляются новые семантические группы. Не происходит детализации образа человека, уже сформированные в языке основные параметры именования являются достаточными для характеристики внешнего облика человека, к ним в исследуемом материале относятся рост (**Долгой*, **Лыха*, **Росляк*, **Коротай*), полнота фигуры (**Бухро, Гладкой, Мякиши, Обрюта*), особенности походки (**Дробыши, Кривой, Копыло*), цвет кожи, волос (**Желтуха, Ржавой, Соловец*), форма и величина частей головы и тела (**Кривошея, Косолап, Глазач, Носатой*)

В течение изучаемого периода заметно сокращается число именований, восходящих к названиям живой и неживой природы. К XVII веку названия диких животных употребляются реже, чем домашних. Этот факт, с одной стороны, говорит о том, что человек пытается давать именования через предметы, объекты, явления хорошо ему знакомые, с которыми он сталкивается ежедневно, с другой стороны, говорит об утрате древних верований в охранную, тотемическую силу этих названий. Именования, восходящие к названиям различных предметов быта встречаются как в памятниках XVI, так и XVII века. Сохранение данных именований свидетельствует об обращении человека-номинатора, прежде всего, к признакам, связанным с собственным домом, продуктами собственной деятельности, наиболее известным животным, растениям [Рут 1994:20]

Вторая ЛСГ антропонимов, характеризующих человека по его принадлежности к той или иной группе лиц, коллективу, включает следующие подгруппы: ‘имущественное и социальное положение именуемого’, ‘название профессии или рода деятельности’, ‘национальная принадлежность’, ‘место жительства’, ‘отношения родства’ Наиболее значительной по составу

представляется группа антропонимов, отражающих названия различных профессий, должностей и занятий

Названия профессий свидетельствуют о занятиях устюжан, о развитии социально-экономической сферы Устюжны Железопольской. Выделенные нами синонимические ряды, отражают основные направления жизнедеятельности города XVI-XVII вв.

Сопоставление состава ремесленных прозвищ показывает, что к XVII в в многие из них уже не используются в именованиях горожан

Сокращается число именований по профессиям, связанным с производством пищи: *калачник, пирожник, шпаник, пивовар*. Только в сотных XVI века представлены профессиональные названия людей, изготавливающих различные предметы быта *ведерник, дегтярь, топорник, оконничник, седельник, ситник*. Сокращается число названий профессий, связанных с обработкой кожи, ткани и изготовлением одежды *сыромятник, бельщик, красильник, крашеник, кротач, мошенник, рукавичник, чулочник*. В сфере обработки металлов исчезают названия узких специалистов *укладник, железник, гвоздарь, гвоздочник, замочник, подковщик, сковородник, стремянник, серебрянник*. Исчезают и некоторые разновидности названий профессий из сферы торговли *лавочник, ветошник, щепетинник*.

Однако изменения в профессиональной области обусловлено и появлением новых профессий, связанных с изготовлением одежды (*швец, шваль, портной*), с занятостью в сфере торговли (прозвища *Безия, Торговка, Моклок*). Ставятся разнообразнее занятия, связанные с содержанием питейных заведений (*харчевник, повар*) и др.

Все эти факты несут информацию, с одной стороны, об уровне социально-экономической жизни, с другой, об изменениях в сфере именований. Сокращение числа наименований по профессии говорит не только о том, что жизнь города становится проще, беднее, но и о том, что профессиональные прозвища в этот период становятся менее употребительными. Формула официального именования в XVII веке стремится к приобретению третьего компонента, которым становится фамильное прозвание. Основой для этих фамильных прозваний иногда становятся и профессиональные прозвища, пр «*д Бориска Петрова сына Винникова колачник*» (СУЖ1626, л 65), «*Васки Петрова сына Блинникова калашник да детей его*» (СУЖ1626, л 64) и др.

Именования, восходящие к названиям лиц по месту жительства: *Фофанко Белозерец* (СУЖ1597, 45), *Гришка Наугородец* (СУЖ1567, 150), национальной принадлежности. д. Олешки *Латыша* (СУЖ1626, л 64), Михалка *Русинов* (СУЖ1626, л 112), представлены незначительным числом в антропонимиконе памятников письменности Устюжны Железопольской, что свидетельствует о сложившемся составе населения средневекового города

Лексико-семантический анализ апеллятивов позволяет в целом оценить влияние соседних антропонимических систем на становление системы именований в исследуемом регионе. Антропонимы диалектного происхождения главным образом представлены лексикой западных говоров (новгородских,

псковских): *бака, *корых, *упирь, *балмас, *луник, *соловец, *оранина, *шальгач и др. Нередко встречаем апеллятивы, свойственные лексике и североизападных, и северовосточных диалектов (вологодских, архангельских): *бай, *бахарь, *варзан, *облула, *гульба, *дробыш, *плешиак, *пелева и др.

Данные наблюдения еще раз подтверждают мысль о более сильном влиянии Новгородской земли на вырабатывавшуюся антронимическую систему региона, а также проникновение лексики соседних территорий, прежде всего восточных.

В заключении подведены итоги исследования, делаются выводы о преимуществах синхронно-диахронного подхода к исследованию. Выбранный аспект исследования позволил нам обратиться к антропонимии устюженских памятников письменности, с одной стороны, как к источнику для изучения изменений, происходящих в языке и речи, с другой стороны, как к «своеобразному памятнику, в котором отразились различные этапы духовной и социальной жизни народа» [Исаева 1988:168]. Антропонимия – это источник выявления и классификации ценностной ориентации человека, жившего несколько столетий назад. Анализ этих изменений в совокупности с анализом факторов, способствующих данным преобразованиям, позволяют увидеть в Устюженской антропонимии ценнейший источник для изучения местных особенностей изменяющегося языкового мира.

Динамика антропонимической системы Устюжны Железопольской (отдельных ее уровней и единиц) вызвана влиянием внутриструктурных и экстралингвистических факторов. К интралингвистическим факторам относятся преобразования системно-структурных связей и отношений между языковыми единицами в рамках одного именования или антропонимической системы в целом, обусловленные внутренними законами существования языка. Экстралингвистическими импульсами, действующими на антропонимическую систему, становятся все изменения, происходящие в экономической, социальной, политической сферах жизни средневекового города, в том числе и изменения в самосознании русского человека, в период формирования национального языка.

Все выявленные нами факты динамики в именованиях жителей Устюжны Железопольской свидетельствуют о существенных изменениях, происходивших в языковом мире края в XVI–XVII вв.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Лебедева Н. С. Фамилии дворян Устюженского уезда в XVII веке (на материале писцовой книги станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг.) // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвузовский сборник научных работ Выпуск 2 / Отв. Ред. С. Н. Смольников. – Вологда, 2004 – С.132-144. (0,7п.л.)

2. Лебедева Н.С. Некалендарные личные имена жителей г. Устюжны Железопольской XVI-XVII вв. (на материале сотных 1567, 1597 и 1626 гг.) // Материалы XXXV Международной филологической конференции. – Вып. 6: История русского языка и культурная память народа / Отв. ред. О А Черепанова – СПб.: Филол.ф-т СПбГУ, 2006 – С.83-90. (0,8п л.)

3. Дьякова Н.С. Названия профессий в составе именований устюжан XVI века (по материалам сотных 1567 и 1597 гг.) // Проблемы текста: Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева. Словесность. – Вологда, ВГПУ,2006. – С 45-53 (0,5п л.)

4 Дьякова Н.С. Антропонимия как источник для изучения этнокультурных контактов региона (на примере именований жителей Устюжны Железопольской XVI-XVII вв.) // Языковые и культурные контакты различных народов сборник статей Международной научно-методической конференции – Пенза, 2007. – С 120-122 (0,1п л.)

5 Дьякова Н С Именования женщин в официально-деловой письменности XVI-XVII вв (по материалам сотных Устюжны Железопольской 1567, 1597 и 1626 гг.) // Электронный вестник Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению – 2007 - № 6 Сетевой адрес: <http://www.evcppk.ru/index.php>. (0,4п.л.)

6 Дьякова Н.С. Изменения в системе личных имен жителей города Устюжны Железопольской в XVI-XVII вв. // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2007. – №8. – С.81-83. (0,2п.л.) (Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий», утвержденный ВАК РФ)

Подписано в печать 01.10.2007г. Формат 60x84/16
Печать офсетная Усл. п.л – 1,0 Тираж 100 экз Заказ №

Отпечатано в типографии
Северного государственного лесоустроительного предприятия
160014 г Вологда, ул. Некрасова, 51